

Выбор — произволен. Почему конец — 31 декабря? Почему сочетание «3» с «1» искрится и пахнет инеем, а 1 января означает начало всего с чистого листа? Почему, пометавшись между сентябрем (сбор урожая) и мартом (начало весны), человечество уткнулось в стык декабря и января и решило — здесь исток и финиш? Кому вообще нужно отмечать тикающие годы? Ну идет и идет, капает за годом год, намывая сталактит жизни с причудливыми выростами и гротами. Принять бы как должное промежуточный хлопок, но нет, мы рядим сценариста Дедом Морозом, девочку-хлопушку — Снегурочкой и радуемся заранее и по списку купленным подаркам. Счастливого Нового года! — что может быть бессмысленнее этого пожелания.

Екатерина ДАНИЛОВА

Бусы в подарок

ВЛАДИМИР ХАХАНОВ / EAST NEWS

«Какого счастья ждал на свете я?» — спросил поэт, и вопрос остался без ответа. Какого, кроме того, что есть, кроме того, что слепил своими руками, вырастил трудом своего сердца.

...Елка около самой моей кровати. Стекланый попугай-еврей с упаковкой ваты в цепких лапах, зеленый шар с алыми сияющими недрами, ватные яблоки и мигающие лампочки. Лампочки — еще довоенные, большие, разноцветные с серебряными разводами. Если одна не работает — и остальные не светят. Бабушка хранит их в отдельном пакете вместе с запасными. С кухни тянет яблочный пирогом. А на пороге — мама. Она приехала из редакции чуть ли не последней электричкой. Завтрашняя, новогодняя газета уже печатается, а мама молодая, смеющаяся, в капюшоне, засыпанном снегом, — дома. Мне два года и я больна. Врачи говорят — «холодовая аллергия». Это когда судорогой сводит руки и ноги. Ни колготки натянуть, ни

игрушку взять скрюченными руками.

В дверь тренькает звонок.

— Катеринапална, — раздается голос соседа Тольки Шумова.

Бабушкин строгий профиль с пучком покачивается в дверном проеме. Она пепелит взором Толю.

— Три рубля, — закликает Толя. — После завтра верну.

Все это время дед, огромный, с крючковатым носом и казацким чубом, прячется на кухне. Он — директор завода, а Толя — его рабочий. И Надька, Толина жена, умоляла деда не давать денег. А как он не даст? Рядом — огромный химзавод, а у деда что?

Маленькая спичечная фабрика, где он директором. Толю обижать нельзя, он хороший работник. Когда-то дед был директором большой шахты, но с тех пор, как он женился на бабушке, жене расстрелянного врага народа, его назначают только на маленькие заводики.

Это последний наш Новый год в Воскре-

сенске. Через полгода деда не станет. И мы уедем.

...Все пошли встречать Новый год к Вовке Анашкину. Весь класс. Ленка, моя подружка, пошла в белом батистовом батнике в мелкий фиолетовый цветочек. Наша классная руководительница — физкультурница Валентина Александровна в золотом парике и со свистком — тоже пошла. Без свистка, наверное. Я точно не знаю. Меня бабушка не пустила. Новый год, говорит, это домашний праздник. Вот и сиди с ними. Лампочки перебирай, ищи, какая перегорела. А то вся гирлянда не загорится. У попугая с ватой откололся нос. Так ему и надо. Пахнет яблочным пирогом, а в черно-белом телевизоре диктор Кириллов твердым голосом пожелал мне счастья.

Главное, они же с Валентиной Александровной. Ей одной Новый год встречать тоже скучно. И Мишка пошел. У него голубые глаза и... Что-то больше ничего не вспоминается.

Нырьющая походка. Манера держаться

чуть наособицу. Что еще? Больше ничего невозможно вспомнить. Во что я была так влюблена? Почему сердце падало, когда раздавался его голос? На другой день Ленка сказала, как все пили шампанское и танцевали в обнимку до четырех утра. Мишка, сказала, совсем обнаглел. Привел с собой Ноннку из девятого класса. Никто не привел, а он привел.

...Значит, так. Сначала на электричке до Матвеевской. Мимо сияющего огнями Университета и унылой, как будни, Сортировочной.

Наверное, некоторые периоды в жизни так и надо называть — жизнь Сортировочная. Но только не этот!

Потом по сияющему скрипящему снегу до круглого дома — мороз хватает за колени сквозь тонкие колготки, лодочки хлопают в сумке по боку. Бегом, скорее! Ага, вон оно, окно на девятом этаже.

Оно сияет как волшебный карбункул. И эта сказочная веселая музыка — она, конечно, оттуда. И этот гомон голосов.

Алена, Верка, Игорь, Лешка с Машкой, Рыба — это прозвище, от фамилии Рыбцов, Веркина сестренка (она потом погибнет в автостастрофе), толпа незнакомцев, переливающаяся голосами и смехом.

И он.

К красному надувному шару приклеены пятачок, колечко хвостика и лапки — год Свиньи! Шарик под потолком. Как мучительно принимать участие в разговоре — ведь так легко сморозить глупость, а все болтают и не боятся.

Горячий глнтвейн, гитара по кругу, ласковый взгляд карих глаз поверх струн.

Под утро застелили пол в маленькой комнате. Новые немецкие лодочки как солдатики стояли у изголовья. От них пахло новой кожей и духами. Верка и Алена заснули, как маленькие. А я слушала, как он за дверью, в коридоре, поздравлял по телефону приятеля с Новым годом, его тихий смех.

От той ночи не осталось ничего. С подругами давно потеряла связь. С первым мужем развелась через три года. В той волшебной норе на девятом этаже сейчас живут другие люди, не подозревающие, сколько счастья было сконцентрировано на тридцати пяти квадратных метрах включая кухню. Не стало бабушки, которая обиделась на мой тогдашний побег из дома на Новый год.

Осталась только его улыбка, которая живет в моей душе, и тихий смех человека, который знает, что впереди — только счастье.

...«В конце концов, Новый год — это домашний праздник!» — сказала мама и решительно вытащила из сумки туфли. «Как же так, я уйду, а моя девочка будет сидеть одна на Новый год», — еще более твердо сказала она. «Верка, — сказала она, набрав телефонный номер подруги, — я не пойду. Я же не брошу Катюку».

Выпроводив ее в гости, я обошла темную квартиру. Старинная елочная гирлянда, на латание которой я потратила весь вечер, тихо мерцала в густых еловых ветвях. Безносый попугай, перевернувшись, висел вниз головой.

Кошка стучала по полу ватным крашеным яблочком, которое она стянула с елки.

В комнате, где спит сын, горит ночник. Тонкий восковой профиль на белой простыне, внутренняя форма ушка — как птичка. На ключице, на жилочке, куда подсоединяли агрегат для переливания крови, рубчик. Ужас мой, боль, страх, счастье, начало и конец. Все, что вне этой кровати и сонного вздоха, не имеет смысла.

Открыла себе шампанское, отрезала кусок яблочного пирога и включила телевизор. Горбачев пожелал мне счастья и здоровья. А что, я согласна.

...Самое идиотское — устраивать на Новый год переезд. Толкачев и Гавриков возникли на пороге в назначенное время, так и не поняв суровости моего мужа. Зато поняла я — «зачем ты зовешь чужих людей для решения своих проблем?» Каких чужих, мы же работаем вместе! Это же Димка Толкачев! Это же Витька Гавриков! Свои.

Значит так. Мы остаемся в своей трешке, а мама переезжает в отдельную квартиру. Хвала моему шефу и большим зарплатам, канувшим в Лету, добитых дефолтом, как рыба динамитом. Но только она не сейчас переезжает, а потом. А пока в этой квартире поживают Инка и Мишка. Катюка, какая она тебе Инка! Инна Яковлевна и Михаил Абрамович. Потому что они вообще-то должны уехать в Израиль жить, но задержались здесь, продавая квартиру. Но вот квартиру продали, а дела остались. В общем, пока они поживут в моей квартире. Хорошо, мама.

Так вот, ребята перевезут мебель из Инкиной квартиры в мою, а потом, как хотите. Хорошо, мама.

Ты, конечно, забыла, что у тебя сегодня в редакции Новогодний праздник, а вечером твой муж взял билеты на «Спартак» в Большой? Не забудь же. Хорошо, мама.

А ты приготовила, чем накормишь мужиков, когда они все перетащат? Что у тебя? Пельмени? Плов? Водки мужикам купи. Не забудь, посуда в маленьком ящике. Хорошо, мама.

Помню: редакционная вечеринка стремительно сменилась алым бархатом Большого. Потом наша кухня — все те же и Гавриков с моей подругой Иркой. «Степь, да степь кругом», — громко выговариваем мы, заглушая теле-Ельцина. Инна Яковлевна и Михаил Абрамович тихо ретируются на соседнюю улицу, в тепер уже мамину квартиру. «Кажется, мы им не понравились», — горько подытожил Гавриков и пошел провожать Ирку. Похоже, он на-

деялся на большее. Но отказ встретил мужественно — в новогоднюю ночь он ушел босиком, оставив у Ирки дома ботинки. Может, это был жест отчаяния, может — презрения. А может, он их просто не нашел в темной прихожей.

Через полгода Иркина мама извлечет ботинки с полки и спросит мою незамужнюю подругу: «Что это?» «Не знаю, мамочка! Выброси», — пожмет плечами Ирка. А еще через пару месяцев Гавриков, встретив Ирку на какой-то тусовке, стесняясь, попросит вернуть обувь.

... Вместо шампанского водка. Ею весь балкон забит. Холодец, оставшийся с поминок. Яблочный пирог все же сделала. Надо. Мама его любила. Тихий сын, повзрослевший и вытянувшийся за несколько дней, с детским испуганным лицом. Отвратный больничный запах, настаивающий даже дома. Палата номер шесть. Черные шерстяные носки, оставшиеся на пустой белой постели. Высокий потолок палаты, уходящий в бесконечность. За окном поют песни и брэнчит гитара, рассыпаются мелкой искрой фейерверки. За окном падает снег, как будто только и ждал 25 декабря, чтобы завалить холм с цветами и свечами. Завалить этот земной шар. Из всех людей, которые его когда-либо населяли, ты нужен только двоим. А еще недавно было — троим. И мир был гораздо больше. Не в полтора раза, а в тысячу. Любьешь воспроизводить себя не в арифметической прогрессии, а в геометрической.

Завалить этот огромный город с сияющими машинами, большими домами, крикливыми продавщицами и супермаркетами, где от одиночества может спастись даже очень одинокий человек. Совсем одинокий. Который остался навсегда без мамы.

В этих супермаркетах сто сортов чая и кофе, если вам не все равно. А если все равно, то можно просто перебирать яркие упаковки. Долго выбирать лыжи или коньки. Или чайный сервиз. Для какой-то другой, красивой и торжественной, жизни. А еще, когда у меня когда-нибудь будет время, я буду там выбирать кофеварку. Она нужна мне в загородный дом. Здорово звучит — «загородный дом», респектабельно. Когда ко мне приедут подруги, все вместе возьмут и нагрянут, я скажу им: «Замучилась всем вам молоть кофе. Вот вам кофеварка, нажимайте на кнопку и варите». А тогда девчонки скажут: «Ты же обещала погадать на кофе, а на кофе из кофеварки не гадаешь». Нет, пожалуй, я никогда не куплю кофеварку. Не будет у меня другой, но-венькой, нарядной жизни.

Новый год, как на нитку нанизываются бусы, собирает наши дни. Вот она, моя жизнь, как ожерелье туземца, блестит стеклом и фольгой, слезами и алмазами. Слезы испаряются, алмазы остаются, но это не имеет никакого значения.